

УДК 304.444

DOI: 10.17223/1998863X/42/14

А.Г. Кислов

«ЗАБОТА НЕ О СЕБЕ» КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Современный классический университет рассматривается как пролонгация изначального (средневекового) наднационального социального института, возникшего наряду со сложившимися к началу второго тысячелетия, дополнившего их систему и остающегося востребованным и незаменимым как в настоящем, так и в обозримом будущем. В пространстве этого социального института обеспечиваются, прежде всего, условия беззаботного вопрошания об истине.

Ключевые слова: «забота о себе», государство, церковь, папская революция, университет.

Современный университет сохраняет преемство изначальному, классическому средневековому университету. Подтверждением тому служат и Болонский процесс, какими бы политическими задачами он не был попутно подгружен, и ширящийся поток исследований и публикаций, посвященных феномену и истории университета, который оформился уже в целое дисциплинарное направление университетоведения [1–4]. А вот параллели, тем более часто объявляемое преемство средневекового университета философским школам Античности представляется поспешным и даже поверхностным: слишком разные эпохи, слишком разные детерминанты и следствия. Хотя именно тяга к античному наследию побуждала молодых людей, в заметной своей части из элитных, располагающих финансовыми возможностями европейских семей, объединяться в студенческие, большей частью самоуправляемые общины, приглашающие, нанимающие и даже изгоняющие профессоров – необходимую, но служебную составляющую университетов. Университеты складывались в результате массового порыва большей частью довольно молодых людей, школяров, студенчества (а значит, и многих из их родителей) к образованию, открывающему путь к Истине; античные же философские школы – в результате немассового приобщения к Истине, изрекаемой вполне определенным философом-наставником – и только им.

Античная философская школа основана на часто незыблемом среди учеников авторитете Учителя. Античность не знала институции, которая своим авторитетом затмевала бы любой другой авторитет, – Церкви. Религиозные общины Античности были ещё более эзотеричны, чем философские школы, и потому малочисленны. Либо они были формальны и пользовались лишь внешним влиянием. И если уж искать предшественника западноевропейским университетам, то в Восточной части некогда единой Римской империи, где была Церковь, отрицающая в своём вероучении все иные религиозные общности и возвышающаяся над авторитетом любого учителя, любой образовательной институции. Но последние создавались и патронировались отнюдь не только и в конечном счёте даже не столько Церковью, которая сама имела её «внешних дел епископа» – императора, а значит, и всю его бюрократию рядом и нередко над собой. Цезарепапизм сказывался на всех уровнях обра-

зования Восточной Римской империи и не миновал университетов, возникающих на территории империи Западной. Однако там он был лишь одной из многих, далеко не всегда доминирующих сил и тенденций (речь идет об университетах, создаваемых и/или поддерживаемых императорами, королями, но были и другие университеты). Феномен университета стал результатом именно западноевропейской социокультурной ситуации начала II тыс., востребованным и поддержанным скорее процессами установления папозецаристских порядков, впрочем, так никогда и не укоренившихся безоговорочно и тем более повсеместно.

Стихийная западноевропейская средневековая тяга к античному наследию была отнюдь не только самодостаточным возвышенным порывом к трансцендентной Истине. У широко распространившегося, порой праздного и даже романтического любопытства были и вполне прагматические подспудные причины – в Античности искали подсказки и ответы на вопросы, задаваемые современной студентам средневековой жизнью. А уж она-то сильно отличалась от античной. В частности, в Средневековье не было и «заботы о себе» в античном понимании. Доминировавшая же забота о спасении позволяет отметить лишь некоторые – не сущностные – параллели с античной «заботой о себе», хотя ретроспективные параллели и располагают к модернизации, например: «В ходе историко-философской реконструкции текстов римских стоиков обнаружена сотериологическая направленность их философии, т.е. фундаментальным понятием предстаёт категория спасения» [5]. Конечно, концепт спасения позволяет увидеть немало. Но всё же не вокруг спасения строил свою жизнь человек Античности. Спасение – забота средневекового человека. Причём спасение своё он понимал как заслуженный результат истинной воцерковленности. Не Град Земной («Царство Кесаря»), т.е. не империя, не полис, не город, не община вне её встроенности в Церковь, а исключительно Град Небесный, вратами и частью которого Церковь является, дают человеку шанс на спасение: «Нет спасения вне Церкви». И если продолжать именовать каждодневную работу средневекового человека по причащению его к истинной церковной жизни «заботой о себе», то с существенными оговорками, уточняющими и различающими эту заботу от античной, связанной с выстраиванием отношений прежде всего с городом / государством, агорой / форумом [6], социумом, который мог включать и мифологических героев, и даже богов, мог распространяться на весь космос, обретение, осознание и принятие места и предназначения в котором, собственно, и было «заботой о себе» – вопросом, намекающем «на возможность абсолютного ответа» [7. С. 137].

Отношение к Античности средневекового же человека было (а оно и было-то далеко не у всех) сильно опосредованным насущными заботами. Эпоха, в которую рождались западноевропейские университеты, наоборот, по множеству направлений «рвала отношения» с космоцентричной архаикой – в её рафинированных ли, рефлексивных античных формах или стихийно-традиционных, варварских германских. Так, и «первый в Европе университет, Болонский, был основан именно в это время (около 1087 г.) специально для изучения юридических текстов, составленных византийским императором Юстинианом. Не случайно именно в это время, после пяти веков забвения, эти тексты были заново открыты в Италии и послужили источником по-

чти всей терминологии и многих понятий, которые понадобились для систематизации и канонического, и светского права» [8. С. 10].

Император Юстиниан I Великий, как все цезари и басилевсы вплоть до 1453 г., когда пал Константинополь, считал себя Римским и свою империю – Римской. И Свод текстов, подготовленных по его указанию комиссией под председательством министра юстиции Трибониана, написан на латыни: «Для Юстиниана, наследника римских императоров, латинский язык всегда оставался не только официальным языком, но и национальным языком империи» [9. С. 144]. И после того как была закончена работа над Сводом, Юстиниан провел реформу высшего уровня образования: из множества юридических школ было оставлено три – в Константинополе, Риме, Бейруте – и запретил изменять Свод даже комментариями, поскольку «целью такого образования было усвоение и запоминание накопленных веками знаний, а не развитие наук и не создание новых теорий и концепций» [10].

У народов же Западной Европы до XI в. «право не существовало как четкая система регулирования или как четкая система мысли» [8. С. 93], оно было правом обычая, хранимого преимущественно устной традицией. Но произошел «резкий разрыв преемственности между Европой периода до 1050–1150 гг. и Европой периода после 1050–1150 гг.» [1. С. 21] – такой, что «не следует проводить резкого различия между словами «западный» и «новый» («относящийся к новому времени»)» [8. С. 21]: «На Западе новое время – не только правовые институты и правовые ценности нового времени, но также и государство нового времени, церковь, философия, университет, литература и многое другое, относимое нами к новому времени, – берет начало в период 1050–1150 гг. и не ранее» [Там же. С. 21–22]. До этих перемен «и греческая, и исламская системы были неизмеримо богаче, мощнее, интеллектуально утонченнее, чем западноевропейская. Запад был бедным родственником Византии» [11. Р. 27].

Эту эпоху, породившую среди многого и университет, О. Розеншток-Хюсси [12], внёсший, кстати, требующий дальнейшей актуализации вклад в философию диалога, одним из первых назвал Папской революцией Григория VII – «первой из великих революций в истории Запада, стоящих в одном ряду с Реформацией, Французской и Русской революциями» [13. Р. 78]. Суть её в освобождении Церкви, а вместе с ней и всего западного христианского мира – Christentum – от цезарепапизма в лице императоров и королей. В ходе этой мало учитываемой отечественной историографией революции «на Западе впервые возник организованный класс духовенства, т.е. клирики, тесно сплоченные под руководством епископов, которые сами были крепко привязаны к епископу Рима, класс, имевший право и интересы, отделявшие его от мирян, которым отводилось низшее место» [14. Р. 169]. До этого клирики мало зависели от пап и были ставленниками светских властителей, имевших от их назначения разнообразные блага.

«Григорианская реформа была чрезвычайно мощным движением, к которому можно без натяжки приурочить окончательное формирование латинского католичества, именно тогда и не по случайному совпадению навсегда отделившегося от восточного христианства. Как ни различны проявления этого духа, более нового, чем думалось его ревнителям, его существо можно

выразить в нескольких словах: в мире, где до той поры священное и светское были почти неотделимы, григорианское течение стремилось утвердить изначальность и превосходство духовной миссии, носителем которой является церковь, стремилось выделить священника и поставить его над простым верующим» [15. С. 157–158]. В результате «к середине XI в. наблюдается ряд очень глубоких и очень широких перемен», которые «охватили одну за другой почти все кривые общественной жизни» [Там же. С. 116]. Отвернувшись от старой теории симфонии (гармоничного сотрудничества властей духовной и светской), партия Гильдебранда (будущего папы Григория VII) искала «разделения церкви и государства, что включало и полное изменение положения короля в христианском обществе. Это не обязательно означало его подчинение папе, хотя Григорий скоро сделал этот вывод на основе своих же собственных аргументов, но это с необходимостью означало, что священноначальнический характер и положение короля ставились под сомнение. Для Григория король был чиновником, без которого вполне можно было обойтись» [16. Р. 114]. Не удивительно, что светские властители отвечали в том числе и продолжительным военным сопротивлением папе.

Этому политико-правовому перелому в западноевропейском обществе была и долго исподволь зревшая мировоззренческая причина, завладевшая умонастроениями значительного большинства Christentum: «До великого реформаторского движения XI в. церковь и на Востоке, и на Западе учила, что конец времен настанет не в этом мире... не в историческом времени, а в вечности. У Св. Августина это один из важнейших моментов противоположности между градусом земным и градусом Божьим. Град земной находится в постоянном разложении... „мир“ и „время“ обозначались одним словом – saeculum. Для saeculum не было надежды искупления: его можно было только покинуть ради области духа. Св. Августин и церковь вообще на протяжении первых десяти веков были против революционных милленаристских движений... которые пытались превратить экономические реалии „здесь“ и „сейчас“ в небесное царство духа» [8. С. 43]. Считалось, что христианин «не имеет надежды на постепенное воплощение Царствия Господнего на земле» [Там же. С. 554]. А «в конце XI и начале XII в. ... вера в то, что человек способен возродить мир и что ему необходимо это сделать для исполнения своего высшего предназначения, создала основу и для сознательной атаки на существующий порядок, и для сознательного установления нового порядка. Священное употреблялось в качестве меры светского порядка.

Так, реформаторы XI в. стали судить императоров, королей и феодалов согласно принципам, взятым из божественного и естественного права» [Там же. С. 43], а не из обычного права устной традиции. «В конце XI и в XII в. Церковь вознамерилась переделать и саму себя, и окружающий мир посредством права. Церковь сделалась юридическим лицом, видимой, корпоративной общностью, не зависящей ни от имперских, ни от королевских, феодальных или городских властей. Были сформулированы автономные своды права, сначала в рамках церковной сферы власти, а затем и в рамках разных областей светской сферы, – отчасти чтобы сохранить связность каждой власти, отчасти чтобы произвести реформу каждой из них, а отчасти чтобы уравнивать их все. Эти новые явления стали возможны только потому, что фундамент их был заложен раньше. Именно тогда была создана основа для фор-

мирования стабильных сообществ; этой основой стал единый *populus christianus*, в котором не было ни отделения церкви от государства, ни отделения права от других средств общественного контроля» [8. С. 91].

А «в 1075 г., после 25 лет агитации и пропаганды партии папы, папа Григорий VII объявил политическое и юридическое главенство папства над всей церковью и независимость духовенства от светского контроля. Григорий также настаивал на высшем главенстве папы в светских вопросах, включая власть низлагать императоров и королей... На самом деле речь шла... о высвобождении двух сфер, сферы священного и сферы профанного, отчего произошел выброс энергии и творчества, сравнимый разве что с ядерной реакцией» [Там же. С. 95]. Потому «в конце XI и в XII в. Западная Европа переживала не только политические и экономические взрывы, но и взрыв культурный и интеллектуальный. Это было время открытия первых университетов, время создания схоластического метода (как его потом назвали), время, когда впервые теология, юриспруденция и философия были подвергнуты жесткой систематизации. Этот период ознаменовал зарождение научной мысли нового времени.

Это были также период перехода сначала к романской, а потом и к готической архитектуре, эпоха строительства великих соборов Европы – Сен-Дени и парижского Нотр-Дама, Кантербери и Дарема.

Это было время, когда латынь как язык науки была осовременена и когда начали принимать свою нынешнюю форму национальные языки и литература. Это была эпоха великой эпической поэзии („Песнь о Роланде“, Артуровский цикл), куртуазной лирики и романсов (творчество Бернарта де Вентадора). Это было время значительного роста грамотности среди мирян; именно тогда начало развиваться чувство национальной культуры в большинстве стран Западной Европы... Пытаясь охватить мыслью весь масштаб перемен, происходивших в XI–XII вв., легко потерять из виду те события, носившие характер катаклизма, которые лежали в сердце Папской революции. В итоге эти события можно объяснить тотальностью перемены, однако их надо воспринимать изначально как прямое следствие попытки добиться политической цели, а именно того, что партия папы называла „свободой Церкви“. Под свободой Церкви понимались освобождение духовенства от императорского, королевского и феодального господства и объединение духовенства под властью папы. Если поместить эту политическую цель и те события, которые воспоследовали из усилий по ее реализации, в контекст этой тотальной перемены, то немедленно станет ясно, что речь шла о гораздо большем, чем простая борьба за власть. Это была прямо-таки апокалипсическая борьба за новый порядок вещей, за „новые небеса и новую землю“. Именно политическое проявление этой борьбы, в которой совпали власть и убеждение, материальное и духовное, и придало ей темп и стремительность» [Там же. С. 109].

В результате «двойственность церковной и светской юрисдикции и множественность светских юрисдикций создавали острое соперничество, из которого вышло не только правление законом, но и господство права. В своих притязаниях каждая юрисдикция встречала препятствия со стороны других юрисдикций... это основная черта западной традиции права, черта, которая в той или иной форме сохранялась на протяжении восьмисот лет. Она являлась источником развития права и источником свободы» [Там же. С. 10].

И лежащий в основе этого вынужденного постоянного поиска баланса сил «дуализм церковной и светской юрисдикции – вот отличительная, если не уникальная, черта западной культуры» [8. С. 57].

Университет стал инструментом, обеспечивающим и сам этот баланс, и прежде всего его поиск – кадрами и результатами их размышлений, разработок; инструмент, который благодаря своей институциональной гибкости сумел не только политически лавировать между колоссами (церковными и светскими властями, в том числе городскими, корпоративными, общинно-коммунальными), непрерывно пребывающими в состоянии прямой или косвенной схватки, но и укрепиться как самодостаточный социальный институт, привлекательный в первую очередь для активной, ищущей, заряженной духом свободы молодёжи. «Свобода Церкви» в ту эпоху – это и «свобода Christentum», «свобода всего populus christianus», «свобода saeculum» – от всеохватывающей власти Кесаря (во всех его воплощениях – имперском, королевском, муниципальном, корпоративном, общинном) для обретения и воплощения божественной Истины. И если уж говорить о «заботе о ...» этой исторической эпохи, то это забота об Истине, её обретении и воплощении, а не «о себе», не о своём устройении в новом устанавливаемом миропорядке. Таков был бескорыстный пафос. Но воодушевлённость им обещала и нередко подтверждала возможности удовлетворения порой самой дерзкой корысти, связанной с карьерой и восторженной вовлечённостью в самую гущу социальных процессов: вчерашние школяры становились их вершителями и бенефициариями. И тут уже не приходится удивляться, что даже те университеты, которые оформлялись инициативой студентов, их общин, образом жизни напоминавшим порой хулиганскую шайку анархистов, находили поддержку со стороны то одних, то других более уважаемых институций.

Но и создаваемые городскими властями, Церковью или королями «университеты были настоящими общинами: разница в возрасте, социальном и материальном положении учителей и учеников была невелика, они жили в одном доме, ели за одним столом, разделяли общие интересы. Неудивительно, что магистры принимали участие даже в играх и дебошах школяров, а во время разного рода инцидентов все держались друг за друга. Университет был настолько автономным образованием, что запросто мог перемещаться из города в город. Угроза такого перемещения служила действенным аргументом в спорах с властями... Угроза прекратить лекции была очень действенной, ведь речь шла о международном престиже города, да и всей страны» [1. С. 108].

Основаниями особого институционального статуса университетов стала сохраняющаяся по сей день востребованность обществом в обособлении и постоянном воспроизводстве социальной группы свободно мыслящих интеллектуалов: «Если попытаться определить, что такое интеллектуал европейского типа, то может получиться „человек, не только занятый преимущественно умственным трудом, но и обязанный своим особым социальным статусом именно этому занятию“. Общество официально выдает ему свидетельство в его способностях и праве на интеллектуальный труд, который затем происходит в условиях относительной свободы. Сочетание этих признаков определяет европейскую специфику данного типа деятельности. Причем инстанцией, выдающей подобное свидетельство (степень, диплом), является

сообщество равных – корпорация равных (корпорация ученых), действующая в автономном режиме, хотя, конечно, с ведома и одобрения государственных структур. Такая система сложилась в Средние века, когда возникла университетская система, изменчивая, но вместе с тем удивительно постоянная» [17].

Р. Нисбет квалифицировал современный университет как осколок Средневековья, который сохранился и функционирует не потому, что сумел приспособиться к новым условиям существования по правилам всеобщей современной продажности *Gesellschaft* (университет способен жить лишь по цеховой корпоративной норме общности и равноправия *Gemeinschaft*), сохраняется и функционирует он потому, что современное капиталистическое общество вынуждено к нему приспосабливаться «за неимением лучшего» и обязано терпеть этот средневековый социальный институт [18].

Уже в ранние Средние века «знание, воплощённое университетами, очень скоро приняло вид Силы, Порядка. Это была Учёность, вознёсшаяся наравне со Священством и Властью» [6. С. 122]. Высшей, а нередко и единственной заботой этой Учёности выступает Истина, которая остаётся таковой при обязательном условии постоянной постановки себя под вопрос. Университет, как изначальный классический, так и современный, и является пространством организованного коллегиального вопрошания об Истине, а не изречения Её. Эта забота не о себе, а о Ней и объединяет университеты в надвременную и наднациональную корпорацию, дух которой спустя и тысячу лет после формирования первых университетов прорвался в призыве, прозвучавшем, например, на Конференции по социальной ответственности ученых в Лондоне в 1970 г.: «Провести... возможно полное размежевание между наукой и правительствами во всех странах... в том же смысле, в каком церковь отделилась от государства!» (цит. по: [8. С. 232]) – во имя сохранения этого пространства беззаботного вопрошания об Истине, вопрошания тех, кто через него участвует в созидании мира и самого себя (см.: [19. С. 164]).

Литература

1. Глаголева Е.В. Повседневная жизнь европейских студентов от Средневековья до эпохи Просвещения. М. : Молодая гвардия, 2014. 329 с.
2. *Классический университет в неклассическое время*: Труды Томского государственного университета. Т. 269. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 200 с.
3. Петрова Г.И. *Классический университет в неклассическое время*. Томск : Изд-во НТЛ, 2010. 164 с.
4. *Университетоведение*: учеб.-метод. пособие / О.А. Яновский и др. Минск : БГУ, 2011. 343 с.
5. Соловьев А.Е. Историко-философский анализ феномена «заботы о себе» : автореф дис. ... канд. филос. наук. Ростов н/Д, 2006. URL: <http://a-c-philosoph-texts.narod.ru/vved.html>
6. Пичугина В.К. Практики заботы о себе в античной педагогике // Вестник НГУЭУ. 2017. Вып. 12. С. 48–59.
7. Петрова Г.И. «Забота о себе»: технология или антропология? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. № 2 (6). С. 136–143.
8. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М. : Изд-во МГУ : Изд. группа «Инфра-М–НОРМА», 1998. 624 с.
9. Диль Ш. История Византийской империи. М. : Гос. изд-во иностр. лит., 1948. 157 с.
10. Огнев Александр, иерей. Система образования в Византийской империи // Научный богословский портал [Электронный ресурс]. URL: http://www.bogoslov.ru/text/1453971.html#_edn14 (дата обращения: 08.04.18).

11. *Southern R.W.* Western Society and the Church in the Middle Ages. Penguin Books, 1990. 376 p.
12. *Rosenstock-Huessy E.* Die europaischen Revolutionen. Stuttgart : Enke, 1960. 252 S.
13. *Cantor N.F.* Medieval History: The Life and Death of a Civilization. N.Y. : Macmillan, 1963. 132 p.
14. *Knowles D., Obolensky D.* The Christian Centuries. Vol. 2, The Middle Ages. N.Y., 1968. 609 p.
15. *Блок М.* Феодалное общество. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 503 с.
16. *Barracrough G.* The Origins of Modern Germany. Oxford, 1947. 481 p.
17. *Уваров П.Ю.* У истоков университетской корпорации: публ. лекция // Полит.Ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2010/02/04/university/>
18. *Nisbet R.* The Degradation of the Academic Dogma: The University in America, 1945–1970. N.Y. : Basic Books, 1971. 252 p.
19. *Петрова Г.И.* Философия университетского образования: модификация критериев классического университета в обществе знания : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 172 с.

Alexander G. Kislov, Russian State Vocational Pedagogical University (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: akislov2005@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 42. pp. 136–144.

DOI: 10.17223/1998863X/42/14

“CARE OF THE OTHER” OF A CLASSICAL UNIVERSITY

Keywords: care of the self; state; church; Gregorian revolution; university.

The modern classical university is considered as an extension of the original (medieval) university which was formed at the beginning of the second millennium AD as a supra-national social institution. The university supplemented the system established by the time of social institutions, including states, cities with their municipal authorities, the church, families, professional guilds, etc. The university remains a relevant system and an essential social institution in the present days and in the observable future. The conditions of careless questioning about the truth, which is its differential feature, are above all in the space of this social institute. The conditions of light-hearted questioning of the truth require a significant degree of institutional autonomy, which was and still remains the problem of the existence of the university. So, the modern network transformation of the university as offered by information technologies can result in its ability to distance itself from the expansion of other social institutions. The author acknowledges the heuristic actualization of the ancient idea of “care of the self” introduced by Michel Foucault. At the same time, the author argues variants of its hasty modernization in interpreting the worldviews of people of subsequent ages, and especially casts which doubt the correctness of its dissemination in the university community and among its representatives. “Care of the self” is the searching of microcosm to macrocosm. The Christian doctrine opened up the space, and macro- and microcosm its dimensions. The truth became the continuation of a conversation with God, with others before Him. The infinity of these dialogues is exempt from the concern of the final forms of the arrangement of life, the final formulas of truth: nothing is final; there is endless joy in query, questions and replies that give rise to new questions. In recognition of this priority carefree questioning gained the importance of an institutional form for allocating and even separating it from the church, through which the Christian faith was widely spread in Europe. Subsequently, Non-Churchism facilitated the penetration of the university in the space of non-Christian civilizations.

References

1. Glagoleva, E.V. (2014) *Povsednevnyaya zhizn' evropeyskikh studentov ot Srednevekov'ya do epokhi Prosveshcheniya* [The daily life of European students from the Middle Ages to the Enlightenment]. Moscow: Molodaya gvardiya.
2. Balandin, M.N. (ed.) (2007) *Klassicheskiy universitet v neklassicheskoe vremya: Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Classical University in Non-Classical Time: Proceedings of Tomsk State University]. Vol. 269. Tomsk: Tomsk State University.
3. Petrova, G.I. (2010) *Klassicheskiy universitet v neklassicheskoe vremya* [Classical University in Non-Classical Time]. Tomsk: NTL.

4. Yanovskiy, O.A. et al. (2011) *Universitetovedenie* [University Studies]. Minsk: Belarusian State University.
5. Soloviev, A.E. (2006) *Istoriko-filosofskiy analiz fenomena "zaboty o sebe"* [Historical and philosophical analysis of the "self-care" phenomenon]. Abstract of Philosophy Cand. Rostov on Don. [Online] Available from: <http://a-c-philosoph-texts.narod.ru/vved.html>.
6. Pichugina, V.K. (2017) Praktiki zaboty o sebe v antichnoy pedagogike [Self-care practices in ancient pedagogy]. *Vestnik NGUEU – Vestnik NSUEM*. 12. pp. 48–59.
7. Petrova, G.I. (2009) "Zabota o sebe": tekhnologiya ili antropologiya? [Is self-care a technology or anthropology?]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2(6). pp. 136–143.
8. Berman, H.J. (1998) *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition]. Translated from English by N. Nikonova, N. Deev. Moscow: Moscow State University, Infra-M–NORMA.
9. Dil, Ch. (1948) *Istoriya Vizantiyskoy imperii* [History of the Byzantine Empire]. Translated from French by A.E. Roginskaya. Moscow: Gos. izd-vo inostrannoy literatury.
10. Ognev, A. (n.d.) *Sistema obrazovaniya v Vizantiyskoy imperii* [The education system in the Byzantine Empire]. [Online] Available from: http://www.bogoslov.ru/text/1453971.html#_edn14. (Accessed: 8th April 2018).
11. Southern, R.W. (1990) *Western Society and the Church in the Middle Ages*. Penguin Books.
12. Rosenstock-Huussy, E. (1960) *Die europaischen Revolutionen* [European Revolutions]. Stuttgart: Enke.
13. Cantor, N.F. (1963) *Medieval History: The Life and Death of a Civilization*. New York: Macmillan.
14. Knowles, D. & Obolensky, D. (1968) *The Christian Centuries*. Vol. 2. New York: McGraw-Hill Book Company.
15. Blok, M. (2003) *Feodal'noe obshchestvo* [Feudal Society]. Translated from French by M. Kozhevnikova. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovoykh.
16. Barraclough, G. (1947) *The Origins of Modern Germany*. Oxford: Basil Bla.
17. Uvarov, P.Yu. (2010) *U istokov universitetskoy korporatsii* [At the origins of the university corporation]. [Online] Available from: <http://www.polit.ru/lectures/2010/02/04/university/>.
18. Nisbet, R. (1971) *The Degradation of the Academic Dogma: The University in America, 1945–1970*. New York: Basic Books.
19. Petrova, G.I. (2013) *Filosofiya universitetskogo obrazovaniya: modifikatsiya kriteriev klassicheskogo universiteta v obshchestve znaniya* [Philosophy of university education: Modification of the classical university criteria in the knowledge society]. Tomsk: Tomsk State University.